

Лариса
Зубакова

**Школа
мастерства**

московские
ПОЭТЫ

Московские поэты

Лариса Зубакова

Школа мастерства (сборник)

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

Зубакова Л. Г.

Школа мастерства (сборник) / Л. Г. Зубакова — «У Никитских
ворот», 2019 — (Московские поэты)

ISBN 978-5-00095-836-0

Творчество Ларисы Зубаковой обращает на себя внимание яркостью таланта и самобытностью выражения не только знатоков и профессионалов, но и просто влюблённых в поэзию читателей.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-00095-836-0

© Зубакова Л. Г., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Космогония поэзии Ларисы Зубаковой	6
«О этот цвет и светоносная прозрачность...»	7
Гимн солнца	8
У озера. Свидание	10
Южная ночь	11
Элул	12
Русское поле	13
1. Полевые цветы	13
2. Осенняя палитра	14
Блюз под дождём	15
Петербург	16
1. Дворцовая площадь	16
2. Очертания	17
3. Разведённые мосты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лариса Зубакова

Школа мастерства

© Зубакова Л. Г., 2019

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2019

Космогония поэзии Ларисы Зубаковой

Дорогие читатели, любители поэзии!

У Вас в руках только что вышедший очередной (восьмой по счёту) сборник стихов уже достаточно известного поэта Ларисы Зубаковой. Её творчество обращает на себя внимание яркостью таланта и самобытностью выражения не только знатоков и профессионалов, но и просто влюблённых в поэзию читателей.

Мир её стихов составлен из разных, зачастую непохожих друг на друга фрагментов. Но эта мозаика каким-то непостижимым образом складывается в целостную картину бытия, которая открывается духовному взору читателя лишь по прочтении всего сборника – слишком широк охват тем и созвучий, предлагаемых автором. А её умение обнажать события и чувства в необычном ракурсе, с неожиданной стороны заставляет (нет! помогает) и читателя тоже посмотреть на мир свежим взглядом.

Но не только сюжет и мировоззренческая позиция отличает и выделяет Ларису Зубакову, как самобытного автора. Поэты – это, прежде всего, искатели красоты. И неудивительно, что её стихи свободно и глубоко дышат аллитерациями, слова легко конструируют мысли, а образы наполнены ёмкими метафорами. Иногда стихам становится тесно в жёстких классических рамках. Тогда автор ищет и находит для себя и читателей новые формы выражения. Лариса Зубакова по мере необходимости обращается к приёмам из арсенала неоклассической поэзии. Это не всегда точные рифмы, свободный стих, верлибр, нарушение размерного ряда. Но всё это не в ущерб целостности образа, а, наоборот, чтобы сделать его более выразительным и отчётливым.

В современной поэзии это смелая, но в чём-то опасная тенденция. Но только не для поэта Зубаковой. Нужна воля, жизненный опыт, воспитание в духе традиции и здравого смысла, и ещё чувство меры и врождённый поэтический вкус. Всем этим, на мой взгляд, обладает Лариса Зубакова.

Наш век сменил век 20-й и открыл перспективы третьего тысячелетия. Все мы родом из ушедшего тысячелетия. Но если по Бродскому:

*Мир остаётся лживым,
мир остаётся вечным,
может быть, постижимым,
но всё-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
И быть над землёй рассветам.
Удобрить его солдатам.
Одобрить его поэтам, —*

то, по убеждению Ларисы Зубаковой, поэтам дана Божественная возможность осмыслить и воспеть величие земного бытия, несмотря на... Вопреки потрясениям нашего неуравновешенного времени.

Беньковская Т. Е., доктор филологических наук, профессор

«О этот цвет и светоносная прозрачность...»

О этот цвет и светоносная прозрачность,
рождающие трепетный восторг!
И время отступается, не властно
преодолеть забвения порог.

Я погружаю в глубину морскую,
в сознании нетленной красоты,
земной мечты создание живое.
А качество уже оценишь ты,

как волны, тяжело дышащее время,
вдыхающее жадно пыль веков.
Неутомимый всадник ногу в стремя
вставляет – и уж был таков!

У времени – полёт стрелы напевный.
А у художника одна лишь страсть,
и ничего во времени его уже не держит
за исключением созданья своего.

Гимн солнца

1

Стрелой, направленною в небо, —
любовь! —
вся в самоцветном оперенье.
И вновь

одно над этим миром небо —
какая высь! —
а сколько мест, где был и не был,
смогло вместить,

где облака бесшумной стаей
стоят? плывут? —
и в дымке сумерек растают.
Уснуть... уснуть...

День – золотая поволока
судеб и лет.
И где там смысл? И что в нём проку?
Иль вовсе нет?..

2

Стрелой, направленною в небо, —
любовь! —
вся в самоцветном оперенье.
И вновь

душа – создание неземное —
её пронзит.
К ней тайна горнею стезёю
к тебе спешит,

и шелеста не слышно.
Какая тишь!
А ночь не спит: всё видит, слышит.
И точит мышь

грёз золотое покрывало —
калейдоскоп

всего, что было, не бывало,
в долине снов.

У озера. Свидание

Там, у слияния двух лун,
на пяточке —
сиянье глаз, свечение скул.
На волоске

повисла без движенья даль,
поник простор.
На цыпочки поднявшись, встал
под небосклон

едва забрезживший рассвет.
В лучах зари
всё – слух, и зрение, и вздох.
Не говори.

Как первозданный мир открыт! —
Сиянье. Свет.
Здесь корень знания зарыт.
А в нём – ответ.

Южная ночь

Сквозь сутолоку смотрят на меня
забытые, немислимые очи.
...Благоухание померкнувшего дня
течёт по жилам душно-томной ночи.

Весь в царственном убранстве кипарис
указывает путнику дорогу,
и мириады звёзд – лучами вниз —
в глухой ночи мерцают искрой Божьей.

Элул

Месяц трубления в рог.
Лодкой над Иерусалимом
луна золотая плывёт
ночью. А утром ранимым

яростный пышет день
из своего горнила
солнцем, где даже тень
испепеляет. Сила

выжженных солнцем трав.
Горечь песка и дыма.
Месяц трубления в рог.
Золото Иерусалима.

Русское поле

1. Полевые цветы

...И надвигающейся тучей
уже пугает небосклон.
Опушка леса. Трав пахучих
всё сладостней призывный звон.

Как лиловеют колокольчики!
Ах, как ромашки хороши!
И как же, Господи, не хочется
идти. А надо поспешить.

Тропинкой узкой, краем поля —
ещё далёко до жилья, —
с охапкою цветов, тревожно
на тучу, что кругом зашла,

косясь. Как сразу стало холодно,
и ветер пыль столбом погнал.
Свинцовый цвет размыл, рассеял
все краски солнечного дня.

Ворваться в дом под самым носом
дождя. Закрыть плотнее дверь.
И вот забарабанил косо
по стёклам ливень. Но теперь

не страшно слушать ливень шумный.
Цветы поставить на окно —
и сразу мутный свет заглушен.
Какое яркое пятно!

Лиловый, золотой. Меж ними
небесной синью васильки.
В прозрачной кружке из простого
стекла – ромашек белых лепестки.

2. Осенняя палитра

Вот и кончилась лета услада.
Там, вдали, затаился мороз.
И ни складу с тобою, ни ладу,
сердце бедное. Невтерпёж

разыгаться вовсю непогоде:
буря, мгла да промозглость насквозь
всё вокруг за околицей бродят.
Но подпортить погожий денёк

не вольны. Солнце. Вёдро. А в дымке,
вся пропахшая гарью костра,
осень прячется невидимкой,
лес обманным путём золотя.

Астры звёздами просятся в небо.
Кровь сочится из георгин.
Гладиолусов пышные стрелы
защищают от мороси мир.

Но поблёкли, вконец побледнели
розы чайные в чахлых кустах,
словно заживо саван надели,
прошептали погоде: «Прощай!»

А природа, цветов не жалея,
краски выплеснула на холсты
пестрорядных картин, обещая
встречу новой прекрасной весны.

Блюз под дождём

Блюз!
За тёмным набухшим окном,
в резком круге, очерченном лампой,
на натянутых струях дождя
ночь разыгрывала вариации
в стиле блюза.

Под напором, под спудом, давясь
бесконечной импровизацией,
ночь всю ночь свой неистовый джаз
предлагала вздох.
В буйном танце прорвавшись

через толщу потоков воды,
обратилась невольничья Африка
тёмным ликом богини Луны
в бесконечность пространства
и времени.

Статуэткой эбеновой тьмы
в леопардовой шкуре дождя —
прочь!
в ночь —
через двери закрытые,
ни себя, ни воды не щадя,
рвался блюз.

И звуки, и воды текли.
То всемирным потоком обрушась,
то совсем замирая вдали,
ночь играет на крышах —
слышишь? —
блюз.

Петербург

1. Дворцовая площадь

Аллюзией небытия
мираж или волшебный остров
из зыби призрачной восстал
видением бесплотной ночи.

В промозглости беспутных дней,
вселяющих смертельный ужас,
кипящим варевом смолы
прольётся на священный город

дождь. Лёт и лёт. Лучом зари
запечатлел надменный Росси
крест, вознесённый изнутри,
и циркулем раздвинул площадь,

пробив тоннелем толщъ стены.
Тех гениальных планов росчерк
к морям, лежащим на пути
крутой дороги русской мощи.

2. Очертания

В Петербурге пурга: в Петербурге метель
и промозгла балтийская сырость.
Всё приходит на ум почему-то теперь
эта слякоть, тоска да унылость.

А набухшей волны оцинкованный блеск
весь изжѣван тяжѣлым туманом.
Отдалѣнные звуки, приглушенный всплеск
приближающегося урагана.

Там, в высоких широтах,
где, сгрудившись, льды
стали лежищем белых медведей,
распускаются звёзд неземные цветы
в искромётном сиянии Севера.

Дьявол ночи иной – перечёркнутый Крест
распростёрся с отвагой беспечного Юга.
...В Петербурге пурга: в Петербурге метель...
Значит, мы не услышим друг друга.

3. Разведённые мосты

Чёрный жемчуг холодной Невы,
где вода тяжелее гранита,
переплёскивает валы,
упирается в скальные глыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.